

...различных запахах, распространять, как редкую монету, и увидеть в неожиданном и поразительном, но всем прочим совершенно недоступном, но достоверном ракурсе, — с тем, чтоб потом, в кругу других свидетелей, неторопливо сказать в каком-нибудь единственно возможном (будет подбирать) и подходящем жанре, — словно мерцало, трепетало и пульсировало то короткой очевидности...

...пустых вокальных запахов и толп он вдруг вынул себя на том, что нетерпение сыграло с ним, и, выходя из зала, еще и не добравшись до событий, оставшихся итога, он отпустил воображение и, выходя из зала, пишет их уже, как если б он их видел, и, выходя из зала, разбавляет, даже судит поступки, и, выходя из зала, услужливо подсказывало лица, и, выходя из зала, выводит из событий, и хмурит брови

...т всех, и терпеливо разъясняет, как здесь, и здесь, и в этом и так нужно было сделать, чтобы как нужно. Воображение его, картин, рисовало то дым до неба, на месте злополучного ДК, то уходящие в туман, где Тиша не был никогда, но слово было колонны войск, — и приступ жалости к в куче щепня, к солдатам тем, не головам, ко всем вокруг, к погибшим пока еще живому, потряс его; и этот как остр, таисскренен и так прекрасен, что

андрей
дмитриев

призрак театра

ВРЕМЯ

Андрей Викторович Дмитриев

Призрак театра

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9066460*

*Призрак театра: Время; Москва; 2014
ISBN 978-5-9691-0920-9*

Аннотация

В «Призраке театра» известный писатель Андрей Дмитриев повествует о шестидесяти часах, которые потрясли весь мир и прежде всего нас, граждан России. В эти шестьдесят часов все мы находились в тревожном ожидании того, как разрешится судьба сотен людей, захваченных террористами в театральном центре на Дубровке. О том, как прожили и пережили эти шестьдесят часов актеры маленького подмосковного театра, озабоченные судьбой близкого им человека, ставшего, по их сведениям, одним из заложников «Норд-Оста», читатель и узнает из этой книги.

Андрей Дмитриев

Призрак театра

© Андрей Дмитриев, 2014

© «Время», 2014

* * *

По вечерам нам нужно жить и радоваться; ночами нужно спать. Вечерняя репетиция, переходящая в ночную, это измывательство, измор, но я вынужден, и выбора у меня нет. Мовчун сказал, что я на договоре, но договор со мной пока не будет им подписан. Пока я должен буду год пахать в неопределенности, на голых нервах, совсем не пить, «а там посмотрим». То есть не я посмотрю, а он посмотрит, но это мы еще посмотрим, кому смотреть.

Любой режиссер – бонапарт, сказал мне один сценарист. Так это кинорежиссер. Сидит себе на барабане: «Массовка пошла! Танки пошли! Кавалерия пошла! Самолеты пошли! Батарея – огонь! Из всех стволов – пли! Пара на заднем плане – целуется!». Театральный режиссер, по моим многолетним наблюдениям, не бонапарт, а метрдотель (Мовчун говорит «метроотель», я его раз поправил – теперь вот год не пить и без контракта): «Какходишь?.. Как выходишь?.. – и все своим унылым, насморчным голосом. – Как держишь

ногу?.. Как держишь паузу?.. Как держишь поднос? Разве Фирс, профессионал, – он так держит поднос?». Не люблю я Чехова. Не самого Чехова, но морду, какую надо надевать, произнося на людях слово «Чехов».

Ну, Фирс. Играл я Фирса и поднос носил. А много слов у Фирса? Много ли смысла в его подносе? Много ли смысла в лакейских его словах? С какой, однако, мордой давал я интервью: как я играл этого Фирса; как его на даче заперли и там забыли! Правду сказать, теперешняя роль – она ничего себе, ничего... Почти ничего, но уже и кое-что: две сценки, во второй – целый монолог; и так здорово написано, что даже учить не пришлось, все запомнилось само, с первой читки, как детский стих. Автор многообещающий. Пусть и не мне обещает, пусть его пьесы, когда ему фишка выпадет, Машков с Безруковым будут играть, и пусть в наш павильон он тогда уже и не сунется, и разве что по доброй памяти не поторопится плюнуть на нас со своей высоты, но мне приятно быть в числе свидетелей и соучастников дебюта. Роль у меня – Торговец оружием, причем не араб и не кавказец, а наш, родной, и в этом соль. Демоническая личность, что-то вкрадчивое, и не злодей: у него тоже есть своя правда. Одного боюсь: Мовчун велит комиковать. Он любит, когда второй план комикует. Смешное помнится на расстоянии, так он шутит. То есть вторые роли зрителю запомнить легче, когда они смешны, так он считает. А я считаю, ему бы в цирке работать. Он путает второй план с интермедией, вторые роли –

со вставными номерами. Он попросту не знает, что делать со вторым планом, и никогда не знал. Еще в училище, мне говорили, ему об этом говорили, а он – что? Морду наденет, вскинет ее: «Мне нравится!», что означает: «Все – дураки, а я гений»...

Надо отвлечься. Нельзя мне перед репетицией думать о репетиции. Вот не спросил у Мовчуна, начнет ли он платить за репетиции. Я дожил: я и об этом не спросил; такая в жизни полоса. Возьмите у меня интервью и задайте мне, молодому уже человеку, всего один вопрос: почему наш актер пьет и часто спивается? И я отвечу, как смогу, коротко.

Итак, вопрос: почему мы, актеры советского, теперь российского театра и кино, многие спились? Вот мой ответ: потому что нельзя нам было безнаказанно и без последствий для душевного здоровья из года в год играть идиотов: «Товарищ Сергеев! Товарищ Журбин! Как у тебя со встречным планом? Неужто некого бросить в прорыв? Как на это посмотрят товарищи по ячейке? Как на бюро райкома поглядят на твои аморальные отношения с товарищем Фиалковой на общем фоне невыполнения и на глазах у коллектива? И ты – не куксись, не скрывай! Тебя девчата видели с ней в плавнях! Верно, девчата? (Те, мелодично: “Хи-хи-хи! Хи-хи-хи!”)». Теперь задайте мне второй вопрос: почему мы, уж очень многие актеры советского театра и кино, так славно начинали – и так конфузливо и суетливо, словно стыдясь себя, заканчиваем?.. По той же самой причине, таков мой честный

ответ. Нельзя годами играть идиотов, придуманных идиотами. Профессия этого не прощает: ей вдруг делается противно, и она уходит. «Неужели не удержите переходящее? То-то, товарищ! Взял знамя – держи его! Крепче держи, не отдавай никому! Ты только представь, товарищ, какая замечательная жизнь скоро наступит! Ты же мечтатель! И вы, девчата, вы представьте (те, колокольчиком певучим: “Хи-хи-хи! Хи-хи-хи!”)! Представили? То-то, гляжу, у вас слезинка! И лучики в глазах! А вот смешинка! Вот и лукавинка, ты глянь, дорогой ты мой человек! Спасибо тебе, товарищ! Дай пять! Удачи, товарищ! И помни, товарищ: с размаху, молотом – и по кувалде! И по кувалде! И по кувалде!».

Кому-то повезло, попал к умелому метрдолетелю, культурным бонапартом был подхвачен, и – роли: тот же Чехов, тот же Горький, да тот же Зорин и Вампилов; вот это роли, это рост; а если кто и пил, как все, то, ясное дело, бросил... Везло ли мне? Мне шестьдесят шесть лет; играл недавно Фирса, играл Молчалина однажды, играл в «Транзите» Караваева, играл другие роли на театре, играл в кино: все больше комсомольцев, коммунистов, бывало, что и мудрых следователей («Ну что ж, беги, Хрипун, беги, коли сбежал, но помни: от меня убежать можно, от себя – никогда!») и получил заслуженный итог: на облужганной подсолнухом электричке еду в Саванеевку, во временное место дислокации театра «Гистрион», на вечерне-ночную репетицию, за которую мне вряд ли кто заплатит. Мовчун говорит: ему Лужков обещал помеще-

ние внутри Бульварного кольца. Ну, не в смысле Лужков, – но один такой человек, который к Лужкову дверь открывает ногой. Что ж, исполать, а то мне каждый день на электричке – не по годам, да и не по таланту.

Талант, какой-никакой, есть. Не везло мне, не скрываю, но то издержки профессии, в ней не везет большинству. Шестьдесят шесть – не старость, еще и силы могут расцвести, и фишка выпасть, я знаю много таких хороших примеров. Но – не верю! Почему-то я не верю, что Лужков даст помещение. «Держи карман, не Мейерхольд, на всех не напасешься», – вот что нам скажет мэр и будет прав. Даже если мой Торговец оружием станет событием – ну для кого? Даже если Мовчун вдруг мысленно увидит меня в хороших будущих ролях и даже если, собираясь ставить Лира, он вдруг возьмет меня на Лира, и я, даст Бог, не оплошаю – кто мне в ладоши будет хлопать? Столичный зритель в павильон не ходит, театровед на электричке в глушь не ездит; возможно, Мовчуну удастся заманить к нам на премьеру телевидение. Не то чтоб, в смысле, Телевидение, – но, да, один такой телеканал...

...Узоры-2 и дальше Саванеевка: там выхожу, и радость чувствую, и предвкушаю, и было так со мной всегда перед началом репетиции: всегда и радость чувствую, и предвкушаю – хотя, казалось бы, ну что тут нынче предвкушать? Приду я в павильон, топить еще не начали, Мовчун не скажет мне: «Дыхни», но ведь принимается! Он виду не подаст, что он приняхался, но я не лох, я ж вижу: он принимается!

Я, ясно, сразу злюсь, в роль с ходу не войду, в образ никак не попадаю, ну а Мовчун... Мовчун, пусть молча, а кричит!!!

Нельзя нервировать себя перед репетицией. Нельзя мне перед репетицией о ней думать. Иначе ты не донесешь себя, все расплескаешь и только зря всего себя измучишь.

В окне темнеет; в октябре темнеет быстро; вот саване-евские гаражи: длиннющая, на две минуты хода электрички, сплошная линия гаражных серых будок из силиконового кирпича и надпись бурой краской по всей линии, чтоб пассажиры электричек, все те, что с левой от столицы стороны, могли читать ее подольше – огромными, под крышу гаражей, по букве на гараж, и аккуратнейшими, знать, по трафарету сделанными буквами:

«СОВЕТНИК ГЛАВЫ АДМИНИСТРАЦИИ ПО
ВОПРОСАМ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОГО ЖИЛЬЯ
КРАСНОСМОРОДЧЕНКО В. И. – ПЕДРИЛЛА,
ВЗЯТОЧНИК И МРАЗЬ».

На слове «МРАЗЬ» должны включиться тормоза, и точно – тормозим, вагон подергивает, стук на стыках реже, последний перед остановкой жалостливый стон колес – все, братцы, встали. Вставай, душа моя (так я себя зову не вслух), спеши на выход; выйдешь – можешь не спешить.

Я не опаздываю никогда, я никогда не тороплюсь, я на вокзал, на встречу, на прием, на Спартачок приду за час, а на спектакль – за два. Сегодня нам назначено на семь, и на

моих – шесть с малыми минутами, на станционных, что над кассами, шесть двадцать – эти врут. Но даже если бы не врал: идти неспешным шагом через лес – минут пятнадцать. Кто не торопится, тот успевает, сказал мне один сценарист. Он, видит Бог, опаздывает всюду, но преуспел и впрямь, чего я о себе сказать бы рад, да не могу. Я как-то указал ему на это. В ответ он вспомнил чью-то мудрость: «Когда ты видишь: опоздал, – полезно замедлить шаг». Вот-вот, ответил я ему, я замедляю шаг, но, как ни медлю, удача успевает увильнуть. Неспешным шагом прихожу за час и – поздно: след ее простыл, разве махнет хвостом издалека, мол, «я другому отдана». Ошибка найдена, обрадовался он. Секрет не в том, чтобы неспешно приходить за час, а в том секрет, чтоб не бояться опоздать. Да, да, выходишь не за час, а за минуту; и, зная точно: опоздал, – не паникуешь, а, нарочно замедляя шаг, идешь куда и шел, допустим, на вокзал... Да, поезд твой уже ушел, зато удача, очень может быть, тебя нарочно поджидает на пустом и одному тебе оставленном перроне... Тут он подумал, отпил и напомнил с грустью: «Со мной всегда так и бывало». Потом еще подумал, пригубил еще чуть-чуть и мне в лицо сказал: «Быть может, дело в том, кого, однако, ждут. Иного будут ждать и час, и два, и три, и сколько он ни пожелает, другого ждать не станут ни за что, даже обрадуются». Намек я понял, пусть намек и был абстрактный. На этом мы рассорились; который год руки не подаю. А ведь напрасно, прав был сценарист. Меня давно, как я бы ни бо-

ялся опоздать, никто не ждет, да и Алина Николаевна, при всей ее барсучьей ревности, не ждет: за стол садится без меня; я точно знаю: утром приплетусь, измученный, к нам на Азовскую – и что услышу с кухни? «Я уж позавтракала, есть хочешь – разогрей...»

«Никто не ждет» – зачем я лгу своей надежде? Затем и лгу, чтобы она, моя надежда, не слишком рано распускала хвост. Я лгу себе, чтобы не сглазить. Вчера, как только Фимочка меня спросила после репетиции, буду ли точно завтра (то есть нынче), а я ответил: «Точно буду»; когда она в ответ сказала: «Буду ждать вас», – я, чтобы не сглазить смысл, услышанный вдруг мной в ее ответе, и бровью не повел, я даже самому себе старался не признаться, что я услышал, я изо всех сил внушал себе: она волнуется по долгу службы, придут ли все на вечер-ночь. По долгу службы, только и всего, но следует признать: пока я тратил силы на то, чтоб не поверить и чтобы, стало быть, не сглазить – во мне надежда пела, токовала, как тетерка, и до сих пор еще, как я бы на нее сейчас ни цыкал, чтоб не сглазила, – токует, и поет, и распускает перья...

Хорошо не спешить. Курнуть на лавочке дешевых сигарет, каких не пробовали те, что выстроили там, на поле за путями, коттеджи с башнями и флюгерами, в пять этажей, с колоннами; венеры и давиды голые из мрамора на крышах, в нишах, на террасах, и окна не горят нигде. Ужасный стиль, ужасные сердца. Как можно строить мавританский за-

мок среди подмосковных нищих дач? И чтоб давиды и вены-ры впустую пялились на елки и осины! Как им самим, тем, что не пробовали «Приму», не жутко жить в нагромождении замков и дворцов из всех эпох и стран, из подростковых снов, диснеевских мультяшек, из сладко-вычурных фантазий, в шанхаях бунгало, шале, палаццо и кремлей, лепящихся один к другому теснее, чем на пне опята? Вот наворачали: кто в лес, кто по дрова, окно в окно, забор к забору, не продохнуть! Такое видел я на кладбище в предместье Барселонны. Что ж, там, на кладбище, уместно: те надгробные дворцы – для мертвых, для того, чтобы живые удивлялись тем дворцам со стороны; и я дивился, спору нет, но чтобы внутрь меня или других тянуло – брр, никто пока не рвется...

Хотя, возможно, многие из них и пробовали «Приму», те, кто по зонам нагулял авторитет – прежде чем выйти и наворачать на мавританский замок. И я на них не злюсь, я перед ними – пас, поскольку не сидел и в этой роли не могу себя представить, так это страшно.

Пожалуй, с разговора о дешевом табаке завяжется наш с Фимочкой желанный разговор. «Зачем вы курите такую дрянь перед работой, Шабашов? Вы дышите своей махрой всем в лицо на сцене! Партнеров это беспокоит». Не самое приятное начало, но, препираясь с нею, можно длить и длить общение, а после уступить, и извиниться от души, и улыбнуться вдруг тепло, и перейти на что-нибудь хорошее, сказать приятное и заинтриговать, и, прежде чем Мовчун всех

призовет на сцену, закрепить сложное впечатление и исподволь внушить, что продолжение разговора неизбежно.

Фимочка – наша заведующая труппой; она же и помреж; она, по сути, и директор, хотя директором себя считает, да им и числится формально, режиссер Мовчун. Ей двадцать пять, на сорок лет меня моложе. Бывал я хват, а с ней робею, я даже комплимент боюсь сказать – а ну как он получится развязный?.. Она собою сильно хороша и начинала, что естественно, актрисой, но скоро стало ясно всем: живые люди ей намного интересней, чем придуманные, организаторский талант у ней повыше, чем актерский, ум у нее не артистически-мечтательный, а деловой и воля мощная – ну как ей подчиняться прихотям метрдотеля-режиссера! Ей на роду написано – не исполнять, а управлять. Я верю: не пройдет и двух сезонов, как она примется рулить не «Гистрионом» Мовчуна, а чем-нибудь и впрямь внутри Бульварного кольца! Или заделается антрепренером, или создаст свое агентство, свой фестиваль наладит, но театру не изменит никогда! Я слышал от Линяева, ну, от того, что жалуется ей на мой табак: ей предлагали, и не раз, уйти во МХАТ и чуть ли не сменить директора «Ленкома», и непонятно, отчего она ответила отказом, предпочитая прозябать в мовчунском павильоне... Это Линяеву, болвану, непонятно! Я ж не дурак, я понимаю и отдаю ей должное. Она не может кинуть нас, пока не выберемся мы из павильона, пока мы не расправим плечи! Она не может бросить дело, за которое взялась, на пол-

дороге. Она физически проигрывать не может – вот оттого ее и требуют во МХАТ!..

Уйдет она – и я уйду. И, ежели права моя надежда: вчерашние слова «Я буду ждать вас» – не по долгу службы, но из сердца, я буду с ней повсюду: да хоть сторожем во МХАТе, хоть буфетчиком в «Ленкоме», хоть псом на коврике в дверях, а если сглазила надежда, обозналась, – уйду вообще, уйду куда глаза глядят, но я с Алиной Николавной не останусь...

Стоп, стоп, курнем вторую сигаретку; зачем я так с собой? «Буфетчик», «сторож», «пес» – согласен, что на это я согласен, но если б я годился только в сторожа и если б выглядел, как пес, моя надежда перья б не пушила! Талант, я повторяю, есть. Осанка – не сутулая, и голос бархатный по тембру, и не дурак, и вот, совсем не пью (хотя б за то спасибо Мовчуну), и внешность – с сединой, со сдержанным намеком. Когда был молодым, в училище и после, – я мордой и повадкой кругленький был, сладенький, при росте в метр девяносто; девицы млели; вспоминать противно. С годами внешность возмужала и обрела черты породы, благородства, могу играть хоть лордов, хоть дворецких. Меня любили раньше дурочки, простушки да резвушки – теперь льнут женщины со вкусом и умом. У Фимочки – и вкус, и ум, но слишком, слишком молода.

Ну почему она не старше? Ну почему не сорок ей, не пятьдесят? Ну почему не семьдесят? Я ведь не то чтобы мо-

лоденькой увлекся – я человека полюбил! (Я будто слышу: «Как же, человека! А грудь у человека? Неужто не хотелось тихо сзади подойти и ласково обнять ее за грудь?». Что спорить с пошляками! Я, чтоб не спорить, и не отрицаю ничего. Я б обнял.) И мне неважно, сколько ей сейчас. А ей как раз, быть может, это важно. Быть может, для нее я – и старик... Я не имею права медлить с главным разговором. Пока никто за ней не приезжает на машине, никто не присылает ей цветов. Пока она ни с кем не точит ласковые лясы по своему мобильнику, прикрыв его ладошкой, но только – громко, четко! – о делах. Пока у нее нет никого, и это точно, иначе бы все знали. Но страшно, страшно хороша! Однажды этакий такой какой-нибудь подрулит к павильону, из «мерседеса» выползет, выползень, с букетом орхидей – и лучше бы тогда мне сразу сдохнуть!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.